
УНИФИКАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ И ИНСТИТУТОВ В УГОЛОВНОМ УЛОЖЕНИИ 1903 Г. (НА ПРИМЕРЕ ДОЛЖНОСТНЫХ (СЛУЖЕБНЫХ) ПРЕСТУПЛЕНИЙ)

Ф.Ф. Дудырев

Институт системного анализа и управления в профессиональном образовании
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются вопросы унификации института должностных преступлений в Уголовном уложении 1903 г. Анализируются предпосылки проведения унификации, а также изменения в составах основных должностных преступлений — превышения полномочий, взяточничества, служебного подлога. Рассматривается роль в процессе унификации уголовного законодательства видных ученых — Н.С. Таганцева, Н.А. Неклюдова, С.В. Познышева.

Ключевые слова: институт должностных преступлений, Уголовное уложение 1903 г., превышение полномочий, взяточничество, служебный подлог.

Подготовка и принятие Уголовного уложения 1903 г. — важный этап в развитии российского уголовного законодательства второй половины XIX — начала XX в. Деятельность государственных органов Российской империи, ответственных за принятие нового единого кодифицированного отраслевого законодательного акта, была направлена на обеспечение единообразия правового регулирования в области преступного и наказуемого. Унификация законодательства осуществлялась в описываемый период на различных уровнях: в рамках отрасли уголовного права, на уровне отдельных институтов, а также в рамках внутренних первичных компонентов системы уголовного законодательства — групп уголовно-правовых норм, отдельных уголовно-правовых норм и их структурных элементов.

Необходимость унификации законодательства о должностных преступлениях была обусловлена следующими причинами. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. включало более 300 статей, посвященных преступлениям служащих. Диспозиции данных уголовно-правовых норм не содержали обобщенных, типовых характеристик преступных деяний, направленных против нормальной деятельности публичного аппарата управления. Каждая из статей предусматривала уголовное наказание за конкретные злоупотребления, совершенные чиновниками различных ведомств. Характеристики многих преступных деяний, содержащихся в различных статьях, были близки по содержанию либо совпадали. Так, ответственность за неисполнение указов, пред-

писаний и законных по службе распоряжений предусматривалась в 13 статьях Уложения о наказаниях; 12 статей Уложения содержали санкции за превышение власти, 20 — за бездействие власти, 149 — за нерадение и небрежность чиновников по службе, 31 — за подлог, 55 — за лихоимство, 9 — за нарушение служебной дисциплины, 10 — за нарушение служебной тайны, 14 — за вступление в незаконные имущественные сделки [2. С. 142]. Приведенные данные свидетельствовали о том, что унификация составов должностных преступлений являлась насущной необходимостью.

Глава 37 Уголовного уложения 1903 г. включала 52 статьи; 50 из них содержали различные составы должностных преступлений. Все они располагались в зависимости от важности и значимости охраняемых объектов. В качестве отдельных объектов посягательства в сфере служебной деятельности были определены: общий порядок управления; преступное противодействие законодательной, исполнительной и судебной власти; посягательства на права и интересы частных лиц; посягательства на порядок и условия службы, на служебную дисциплину.

Сокращение количества составов должностных преступлений стало возможным за счет использования обобщенных характеристик преступных деяний. К концу XIX в. в российской уголовно-правовой доктрине сформировались устойчивые понятийные конструкции, позволяющие аккумулировать признаки многочисленных конкретных злоупотреблений, совершаемых чиновниками. Рассмотрим их более подробно.

Глава 37 Уголовного уложения 1903 г. открывали статьи, предусматривающие уголовное наказание за превышение и бездействие власти. Статьи 636, 639 Уложения содержали предельно общие, абстрактные формулировки. Так, диспозиция статьи о превышении власти была сформулирована следующим образом: «Служащий, виновный в учинении действия по службе: 1) не предоставленного ему законом или возложенным на него поручением, или хотя и предоставленного, но не вызывавшегося законными к тому основаниями, 2) без разрешения подлежащей власти, если такое разрешение требовалось законом, за сие превышение власти, если оно учинено умышленно или если оно учинено по небрежности и от него последовал важный вред для порядка управления или для казенного, общественного или частного интереса» [4. С. 131].

Легальное определение превышения власти, данное в ст. 636 Уложения, освободило законодателя от необходимости перечисления в уголовном законе многочисленных частных случаев, связанных с выходом служащего за пределы должностных полномочий. В качестве отдельных разновидностей превышения власти в Уголовном уложении 1903 г. были определены лишь четыре деяния: незаконное лишение свободы (ст. 649), незаконный обыск, осмотр или выемка (ст. 650), освидетельствование лица женского пола, оскорбляющее чувство стыдливости (ст. 651), принуждение к даче показаний (ст. 676).

Важно отметить, что определение превышения власти, данное в ст. 636 Уголовного уложения 1903 г., было воспринято современной доктриной уго-

ловного права. Действующий УК РФ (ст. 286) предусматривает ответственность за превышение должностных полномочий, которое понимается как «совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» [6. С. 118]. Данная дефиниция воспроизводит, в основном, характеристику превышения власти, предложенную в конце XIX в. В.В. Есиповым: «Превышение власти есть всякое действие должностного лица в нарушение закона или вне пределов власти, наносящее вред государству, обществу, вверенной части или отдельному лицу и совершенное без умысла учинить какое-либо иное преступление при помощи власти как средства преступления» [1. С. 74].

В Уголовном уложении 1903 г. значительно изменилась конструкция состава взяточничества. Это изменение было обусловлено развитием российской уголовно-правовой доктрины, пересмотревшей подходы к определению взяточничества как наиболее распространенного корыстного преступления служащих. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. разграничивало следующие виды взяточничества: мздоимство, состоящее в принятии чиновником или иным лицом, состоящим на службе, по делу или действию, входящему в круг его обязанностей по службе, подарка, состоящего в деньгах, вещах или в чем бы то ни было ином (ст. 372); лихоимство, предполагающее принятие в дар денег, вещей или чего бы то ни было иного «для учинения или допущения чего-либо противного обязанностям службы» (ст. 373); вымогательство, как высшая степень лихоимства (ст. 377) [7. С. 129–132].

Кроме того, наряду с общими определениями взяточничества, лихоимства и вымогательства, Уложение о наказаниях содержало более 30 статей, в которых описывались всевозможные формы получения взятки, а также различные виды «притеснений», совершаемых чиновниками различных ведомств.

Перечень статей Уголовного уложения 1903 г., устанавливающих уголовную ответственность за взяточничество и смежные с ним преступления, включал: взяточничество (ст. 656), вымогательство взятки (ст. 657), взимание незаконных поборов (ст. 658), взяточничество присяжного заседателя (ст. 659), содействие во взяточничестве (ст. 660), присвоение взятки, полученной под предлогом передачи другому служащему (ст. 661), вымогательство взятки под предлогом исполнения закона или обязательного постановления (ст. 664), установление незаконных нарядов на работу или натуральных повинностей (ст. 665) [4. С. 137–139].

Наиболее важные изменения в уголовно-правовой доктрине и уголовном законодательстве начала XX в., связанные с определением взяточничества, состояли в следующем.

Во-первых, в описываемый период была детально разработана конструкция взяточничества как основного коррупционного преступления. В качестве непосредственного объекта преступного посягательства при получении взятки рас-

сма­три­вал­ся принцип безвозмездности деятельности служащих как осно­во­по­ла­га­ю­ще­го усло­вия госу­дар­ствен­ной и об­щес­твен­ной служ­бы [5. С. 1030].

Субъектами данного преступления являлись служащие всех категорий. Субъективная сторона взяточничества характеризовалась умышленной формой вины; что касается объективной стороны, она выражалась в получении служащим дара за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, входящего в круг служебных обязанностей этого лица.

Во-вторых, в Уголовном уложении 1903 г. содержалось четкое разграничение между простым взяточничеством и вымогательством взятки.

В соответствии со ст. 657 Уложения вымогательство взятки заключалось в истребовании или вынуждении служащим взятки, при этом тяжесть деяния зависела от того, была ли взятка получена за совершенное действие, входящее в круг обязанностей служащего (ч. 1 ст. 657), или же она была получена за совершенное в круг служебных обязанностей преступное деяние или служебный проступок (ч. 2 ст. 657). Особо квалифицированный состав данной статьи предполагал вынуждение взятки посредством притеснения по службе или угрозы притеснения ввиду совершения или за совершенное служебное действие [4. С. 137–138].

В-третьих, в Уголовном уложении 1903 г. было по-новому разграничено взяточничество и лихоимство. Под лихоимством в российском уголовном праве традиционно понималось взяточничество, соединенное с нарушением обязанностей службы. В соответствии со ст. 373 Уложения о наказаниях (изд. 1885 г.) лихоимцем считался тот, «кто, для учинения или допущения чего-либо противного обязанностям службы, примет в дар деньги, вещи или что-либо иное» [7. С. 130].

Одновременно в Уложении о наказаниях использовалось и расширительное понятие лихоимства. В соответствии с ним высшей степенью лихоимства являлось вымогательство (ст. 377), под которым понимались: 1) прибыль или иная выгода, приобретаемая по делам службы притеснением или угрозами; 2) всякое требование подарков или не установленной законом платы или ссуды или каких-либо услуг, прибылей или иных выгод по касающемуся до службы или должности виновного делу или действию; 3) не установленные законом поборы; 4) незаконные наряды обывателей на свою или чужую работу [7. С. 132].

Вымогательство взятки и лихоимственные сборы отличались не только признаками объективной стороны, но и непосредственным объектом преступного посягательства. Исходя из этого, было решено разграничить в уголовном законе различные случаи взяточничества, с одной стороны, и лихоимство — с другой.

По новому Уголовному уложению, получение взятки за незаконные действия (бездействия) рассматривалось в качестве особо квалифицированного состава взяточничества (ч. 3 ст. 656). Уголовное наказание за вымогательство взятки предусматривалось в ст. 657 Уложения; квалифицированный состав дан-

ной статьи предполагал вымогательство взятки за совершение преступного деяния или служебного проступка [4. С. 137].

Необходимо отметить, что названные преступления служащих уже не попадали под понятие лихоимства, как это было в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных.

Законодатель сохранил в уголовном законе составы лихоимства, понимаемого в узком смысле: как присвоения денежных или натуральных поступлений, вытребованных служащим под предлогом исполнения закона или обязательного постановления (ст. 664), либо как вынуждения исполнения по наряду, безвозмездно или за несоразмерно низкое вознаграждение, заведомо необязательной работы или натуральной повинности (ст. 665). В комментарии Н.С. Таганцева к данным статьям Уложения 1903 г. особо подчеркивалось, что взяточничество и лихоимство представляют из себя самостоятельные преступления служащих, различающиеся по характеристикам объекта посягательства и объективной стороны.

В-четвертых, составы взяточничества и лихоимства, сформулированные в Уложении 1903 г. в абстрактном виде, сделали излишним перечисление в уголовном законе отдельных разновидностей данных преступлений, совершаемых чиновниками различных ведомств. Необходимость унификации данной группы уголовно-правовых норм давно назрела. В начале XX в. вопрос унификации норм о взяточничестве и лихоимстве был, в основном, решен; статьи об отдельных видах притеснений, вымогательств и незаконных поборов, совершаемых чиновниками, были исключены из уголовного закона.

Служебный подлог традиционно являлся одним из наиболее распространенных преступлений в системе государственного управления Российской империи XVIII–XIX вв. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных устанавливалась уголовная ответственность за различные виды подлога: подлог указов Сената (ст. 292), подлог официальных бумаг министерств или главных управлений (ст. 293), подлог официальных бумаг других правительственных учреждений (ст. 294), лживое изложение Высочайших повелений (ст. 361), намеренное сокрытие истины в официальных актах (ст. 362).

Кроме того, разделы VI–IX Уложения содержали множество специальных норм, связанных со служебным подлогом. Общее их число достигало 30; все они носили казуистический характер. В частности, ст. 834 предусматривала санкции за подделку документа с намерением сократить карантинные обряды или совсем их избежать; в ст. 921 устанавливалась уголовная ответственность за подделку билетов, контрамарок, ярлыков на право ловли рыбы в Каспийском море и в водах восточной части Закавказского края; ст. 1217 определяла наказание за подлог патента или документов для получения патента на плавание под русским флагом и т.д. [7. С. 75, 85, 117]. Это позволило С.В. Познышеву сделать следующий вывод: «В Уложении о наказаниях общее понятие подлога развито далеко недостаточно; постановления о нем рассеяны по разным частям

Уложения, полны пробелов и редакционных недостатков и к тому же не всегда согласованы друг с другом» [3. С. 511].

Названные недостатки были в значительной степени устранены при подготовке Уголовного уложения 1903 г. Новый уголовный закон включал всего 4 статьи, посвященные служебному подлогу: заведомо неверное изложение сведений в официальном документе (ст. 667); заведомо ложное изложение Высочайшего повеления (ст. 668); сообщение или удостоверение по небрежности неверных сведений, от которых последовал важный вред для порядка управления (ст. 669); умышленное сообщение или удостоверение неверных сведений, от которых последовал важный вред для порядка управления (ст. 671) [4. С. 139–140]. При этом все случаи служебного подлога, не представляющего значительной опасности для интересов государственной или общественной службы, были отнесены законодателем к дисциплинарным нарушениям служащих.

В качестве объекта преступного посягательства при служебном подлоге рассматривалась законность, надежность и достоверность информации, содержащейся в официальных документах. Как отмечал С.В. Познышев, «признавая за известными предметами значение документов и связывая с удостоверяемыми ими событиями определенные юридические последствия, государство, несомненно, заинтересовано в том, чтобы содержание этих документов соответствовало действительности, чтобы они были подлинны. Подлог представляет нарушение именно этого интереса общества» [3. С. 506].

В российской уголовно-правовой доктрине и уголовном законодательстве конца XIX — начала XX в. утвердилось представление о том, что предметом служебного подлога является официальный документ. Объективная сторона данного преступления характеризовалась как внесение в официальные документы заведомо ложных сведений. При этом, как отмечалось в комментариях Редакционной комиссии, «ложь, внесенная в документ, должна относиться к обстоятельствам, удостоверяемым этим документом, а не к мнениям или отзывам о событии лица, составившего бумагу. Таким образом, под понятие актовой лжи подойдут: ложное удостоверение о действиях, в действительности не учиненных должностным лицом, каковы протоколы о мнимых обысках и выемках, о произведенных поездках, допросах и т.п.; записи в книги не существовавших расходов, непоказание полученных сумм, буде от сего изменяется общий баланс счетов; сообщение о действительно учиненных действиях, но с искажением оных, как, например, составление протоколов допроса свидетелей, в коих показания этих свидетелей изложены не соответственно с действительно данными; неверное изложение события, которое удостоверяется данным документом; неверная записка в книги количества полученных денег, получаемых и отправляемых бумаг и т.д.» [5. С. 1060].

Следует отметить, что в Уложении 1903 г. понятие служебного подлога было значительно сужено. В соответствии со Сводом законов уголовных и Уложением о наказаниях 1845 г. данное преступление могло быть совершено одним из двух действий: путем внесения различных изменений в действитель-

ный документ либо путем составления ложного по содержанию, но подлинного по форме документа. Таким образом, в российском уголовном законодательстве XIX в. различались материальный и интеллектуальный подлог. В соответствии со ст. 362 Уложения о наказаниях 1845 г. (изд. 1885 г.) лишением всех прав состояния и ссылкой в Сибирь на поселение наказывалось не только «сокрытие истины в докладах, рапортах, протоколах, журналах, свидетельствах, гражданских или торговых обязательствах и прочих каких-либо официальных актах», но также «злонамеренная переправка или подчистка актов» [7. С. 126].

Данный подход к определению служебного подлога реализуется и в действующем законодательстве; ст. 292 УК РФ предусматривает уголовное наказание за внесение в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно за внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание. По Уложению 1903 г. наказывался только интеллектуальный подлог, состоящий в сообщении, изложении либо удостоверении заведомо неверных сведений [4. С. 139–140].

В качестве субъектов служебного подлога по Уложению 1903 г. могли выступать как должностные лица, так и служащие, не несущие организационно-распорядительных либо административно-хозяйственных функций. Как отмечал Н.С. Таганцев, «ответственным за подлоги этого рода будет не только начальник, составивший какую-либо бумагу с включением в нее ложных фактов, но и писец, переписывающий официальную бумагу с включением в нее таких обстоятельств, коих не было в подлиннике, и канцелярский чиновник, считывавший окончательно изготовленный документ с подлинником и сознательно сохранивший в этой бумаге ложь, внесенную переписчиком» [5. С. 1060].

В целом, унификация российского уголовного законодательства, осуществленная на уровне отдельных составов должностных преступлений, дала ряд положительных результатов. Понятия состава преступления, а также отдельных его элементов (объекта преступления, объективной стороны, субъективной стороны, субъекта преступления), воспринятые в 70-е гг. XIX в. российской доктриной уголовного права, использовались законодателем при конструировании составов Особенной части Уложения 1903 г., в т.ч. при формировании составов должностных преступлений. За счет этого описание в уголовном законе преступных деяний служащих было осуществлено единообразно; статьи о превышении власти, преступном бездействии власти, взяточничестве, разглашении тайн, служебном подлоге и др. впервые приобрели унифицированную структуру.

Впервые в российской законотворческой практике проект уголовного закона формировался при активном участии известных ученых-юристов. Глава о должностных преступлениях была подготовлена, в основном, усилиями Н.С. Таганцева, Н.А. Неклюдова, С.В. Познышева и В.Н. Ширяева. Конструкции должностных преступлений, предложенные названными учеными, выдержали испытание временем. Составы превышения власти, взяточничества, служебного подлога и др., вошедшие в Уголовное уложение 1903 г., использовались и ис-

пользуются, с незначительными изменениями, в уголовном законодательстве советского и постсоветского периодов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Есинов В.В.* Превышение и бездействие власти по русскому праву. — СПб.: Тип. А.Ф.Маркса, 1892.
- [2] Материалы для пересмотра нашего уголовного законодательства. — СПб.: М-во юстиции, 1880. — Т. 2.
- [3] *Познышев С.В.* Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. — М.: Тип. В.М. Саблина, 1909.
- [4] Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. — СПб.: Сенатская тип., 1903.
- [5] Уголовное уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлеченными из объяснительной записки Редакционной комиссии, представления министерства юстиции в Государственный совет и журналов Особого совещания, Особого присутствия департаментов и Общего собрания Государственного совета. — СПб.: Гос. тип., 1904.
- [6] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями на 10 мая 2011 г.). — М.: Эксмо, 2011.
- [7] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 г. — СПб.: Гос. тип., 1885.

UNIFICATION OF CRIMINAL NORMS AND INSTITUTES IN CRIMINAL CODE 1903 (ON AN EXAMPLE OF MALFEASANCES)

F.F. Dudyrev

Institute of System Analysis in Vocational Education
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

Unification of malfeasances institute in Criminal Code 1903 is investigated in this article. Preconditions of unification and changes in the main malfeasances (excess of powers, bribery, forgery) are also analyzed here. Unification of malfeasances institute is researched simultaneously with activity of well-known scientists (N.S. Tagantsev, N.A. Nekludov, S.V. Poznyshev).

Key words: unification of malfeasances institute, Criminal Code 1903, excess of powers, bribery, forgery.